

УДК 94(47)

В.Н. Кудряшев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1880–1920 гг.)*

Проводится историографический анализ исследований, посвященных отражению национальных проблем Российской империи в русской общественной мысли второй половины XIX в. Указывается, что большинство работ носило публицистический характер. Показывается влияние общественных дискуссий на политизированность и категоричность суждений многих авторов. Делается вывод о неравномерном изучении различных течений русской общественной мысли в дореволюционной историографии. Эмигрантское течение историографии можно охарактеризовать как попытку переосмысления развития общественно-политической мысли XIX в.

Ключевые слова: историография, общественная мысль, славянофильство, консерватизм, либерализм, социализм, марксизм, национализм.

К настоящему времени многие значимые проблемы, связанные с определением роли и места национального вопроса в общественной мысли России второй половины XIX в., стали объектом научных исследований. Данная историографическая традиция, начавшаяся еще в конце XIX в., включает работы дореволюционных, советских, эмигрантских и современных исследователей. Первый период – дореволюционный – носил на себе явный отпечаток публицистических баталий, так как оценивалось развитие идей не только собственного направления, но и оппонентов. Кроме того, первые историографические обзоры делались в ходе дискуссий, их непосредственными участниками, что затрудняет задачу отделения историографических источников от исторических.

Поскольку в центре обсуждения национальных проблем России всегда находились славянофилы и даже идейные противники признавали за славянофилами первенство в постановке национального вопроса в России, то их позиция закономерно стала объектом анализа последователей и оппонентов. В связи с очевидной для всех сменой поколений в славянофильском движении, важнейшим вопросом стала проблема «наследства», то есть преемственности идей его основателей.

В либеральной литературе практически одновременно вышли статьи, ставшие этапными в исследовании становления русского национализма как идеологии, – А.Н. Пыпина, С.Н. Трубецкого и П.Н. Милюкова.

П.Н. Милюков проводил четкую границу между славянофильством, существование которого

ограничивал 1840–1860-ми гг., и теми представителями общественной мысли России 1880-х гг., которые претендовали на его идейное наследие. Славянофильство историк считал закономерным порождением своего времени, интеллектуальным отражением происходивших в русском обществе процессов, но был убежден, что с изменением самого российского общества «славянофильство умерло», а стремление к использованию его доктрины он считал эпигонством [1. С. 305–306]. С.Н. Трубецкой сосредоточился в своей статье на исследовании соотношения идей славянофилов и К.Н. Леонтьева, которого, несмотря на отказ славянофилов признавать своим, идентифицировал как славянофила, пытавшегося приспособиться к новым историческим реалиям [2. С. 178–179].

Исследуя славянофильство, оба автора акцентировали внимание на проблеме соотношения национального и общечеловеческого. По мнению П.Н. Милюкова, в самой доктрине славянофильства, основанной на гегельянстве, изначально было заложено противоречие между абсолютизацией национальной самобытности, стремившейся к полной ограниченности, и идеей прогрессивного развития человечества, являвшегося единством «исторических народов» [1. С. 268–269, 303]. С.Н. Трубецкой также видел несбыточность надежд славянофилов на торжество всеславянской прогрессивной культуры, обещавшей стать не только частью общемировой, но и ее лидером в недалеком будущем. Эти идеалы прогрессизма и универсализма сводились на нет идеалами ретроградного национализма, ориентированного на до-

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

петровскую Русь, должны стать основанием «новой всеславянской и всемирной культуры» [2. С. 178–179].

П.Н. Милюков акцентировал внимание на неоднородности славянофильского движения, обнаруживая разногласия уже среди основателей славянофильства, выразившиеся в абсолютизации национальных (И.С. Аксаков) либо религиозных (А.И. Кошелев) начал. Ошибку славянофилов историк видел в том, что, выдвигая гуманистическую идею защиты национальной индивидуальности, они наполняли понятие нации идеалистическим содержанием, защищая не саму нацию как общественную организацию, а некий национальный дух. Кроме того, славянофилы видели в нации не только главного субъекта исторической деятельности, но и ее первопричину, определяющую закономерности развития человечества, в то время как сам П.Н. Милюков считал нацию результатом исторического развития, формой общественной организации, появлявшейся на его определенной стадии [1. С. 287, 292].

С.Н. Трубецкой, упрекая славянофилов в идеализме проектов, изначально далеких от жизненных реалий, одновременно указывал на то, что при переходе к оценке внутренней и внешней политики государства они приобретали реакционную сущность, оправдывая русификацию окраин [2. С. 182].

Все «болезни» и крайности славянофильства стали особенно заметны со сменой поколения славянофилов и уходом основателей учения. Раскол среди адептов позднего славянофильства стал заметным и позволил П.Н. Милюкову выделить «белое славянофильство», к которому он отнес Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В их интерпретации «национальный абсолютизм», утративший гуманитарную основу, трансформировался в идею национального превосходства и национальной исключительности. «Другое славянофильство» исповедывали Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев, сохранившие приверженность идее всемирного прогресса, выступавшие с критикой национального эгоизма и ограниченности, но увязшие в духовном мессианстве России и ее всемирно-исторической роли [1. С. 290–291, 303].

С.Н. Трубецкой не проводил дифференциацию позднего славянофильства, указывая на логическую трансформацию их политических установок к национализму, избавившемуся от принципа справедливости в межнациональных отношениях, за который ратовали их предшественники, как противоречащего защите интересов русского народа [2. С. 182–183]. Но в современном ему кон-

сервативном национализме ученый находил различия, выделяя консервативных патриотов, выступавших за усиление русификации во внутренней политике и создание единого славянского государства во внешней. К.Н. Леонтьев, будучи в представлении С.Н. Трубецкого реакционером и националистом, не поддерживал данную программу. Однако либералу здесь представлялось не противоречие доктрине славянофильства, а, наоборот, твердое следование абсолютному неприятию европейского влияния, в том числе в виде торжества космополитизма и либеральных ценностей. С.Н. Трубецкой одним из первых указал на цельность идей К.Н. Леонтьева, определившего отказ от русификации условием противодействия революционным процессам [2. С. 190].

Итак, рассматривая историю славянофильства, П.Н. Милюков видел в нем этап в развитии русской общественной мысли, течение, не лишенное противоречивости, но отличавшееся гуманитарной направленностью, поскольку впервые поставило вопрос о защите русской национальной идентичности. Он, как и С.Н. Трубецкой, считал, что идеи славянофилов унаследованы определенной группой русских мыслителей 1870–1880-х гг., но подчеркивал, что имела место значительная трансформация важнейших положений, вылившихся в новых исторических условиях в утопию русского мессианства и радикальный национализм. При этом складывается традиция позиционирования относительно доктрины славянофильства, прежде всего, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева, не считавших себя прямыми ее продолжателями, более того, достаточно жестко критиковавших ранних славянофилов и дискутировавших с теми, кто открыто объявлял себя их наследниками.

А.Н. Пыпин с 1870-х гг. регулярно выступал с критикой панславизма, таким образом, являясь активным участником русского национального дискурса. Помещенная в «Вестнике Европы» в 1893 г. статья носила характер исторического обзора развития панславизма в России и его преемственности в консервативной традиции. Либеральный публицист сосредоточил свое внимание на творчестве И.С. Аксакова, видя в нем связующее звено между основателями славянофильства и панславизмом 1870–1880-х гг.

Либеральный публицист показывал сложный и неоднозначный характер воззрений И.С. Аксакова, искренне стремившегося увязать планы подъема национального самосознания русского народа, его культуры и традиций с идеей всеславянского братства, находя в них изначально несовмести-

мость. И.С. Аксаков защищал закономерность доминирующей роли России в славянском сообществе, настаивая на лидерстве русского народа как носителя истинно славянской духовности, культуры, литературы. Но он же из года в год указывал на болезни и недостатки русского общества, на отсутствие национального самосознания у русского народа [3. С. 294–295].

А.Н. Пыпин, в целом соглашаясь с данной П.Н. Милюковым оценкой славянофильства, считал, что последний поторопился с похоронами этого течения, поскольку национально-религиозная традиция, исходившая из противопоставления России и Европы, трансформировалась в новые формы. Публицист оговаривал отсутствие абсолютной идентичности взглядов Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева с классическим славянофильством, но признавал их генетическую связь как консерваторов-националистов. А.Н. Пыпин, как и П.Н. Милюков, указывал на ошибочность определения главным критерием принадлежности к славянофильству наличие панславистских идей. Но если у П.Н. Милюкова заметно некоторое противопоставление ранних славянофилов с их последователями, то у С.Н. Трубецкого и А.Н. Пыпина русский национализм изначально носил реакционный характер [3. С. 311–312].

Более позитивной была оценка славянофильства М.О. Гершензоном, отмечавшим вынужденный характер консерватизма славянофилов, направленного на защиту национальных ценностей. Религиозность славянофилов, по его мнению, проистекала не из стремления превратить православную догматику в ценностную основу национальной жизни, а из внутреннего убеждения и веры самих славянофилов, бывших типичными для большинства образованных русских людей той эпохи [4. С. 139]. Но затем консерваторы, выходящая гуманистическую сущность идеи народности, превратили ее в политический лозунг крайнего национализма и вместе с церковными догматами и охранительными принципами сделали основой идеологии, консолидировавшей самые реакционные силы России. В представлении ученого этот национализм становится верным союзником правительства, в то время как славянофилы были убежденными оппозиционерами. М.О. Гершензон, таким образом, отвергал претензии русского национализма конца XIX – начала XX в. на преемственность славянофильской традиции, равно как и обвинение в этой преемственности со стороны их идейных противников [4. С. 140–141, 144].

Консервативные мыслители были близки своим противникам из либерального лагеря в выборе

персоналий при рассмотрении истории национального вопроса в русской общественной мысли. Л.А. Тихомиров, возражая А.А. Кирееву и С.Н. Трубецкому, отлучавшим К.Н. Леонтьева от славянофильства, указывал на большую близость его взглядов первым славянофилам, чем у панславистов, монополизировавших их наследие. Л.А. Тихомиров писал о достаточно индифферентном отношении многих славянофилов (И.В. Киреевского, И.С. Аксакова) к идее славянского единства и доминировании в их взглядах задачи защиты русской национальной идентичности, сохранения национальной культуры и духовности. Поэтому К.Н. Леонтьев, как и другие носители русской идеи, сопротивлявшиеся навязыванию идеи славянской (М.Н. Катков, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский), «не могут быть причислены к славянофилам в тесном смысле». Различия в трактовке национальных проблем первыми славянофилами и современными русскими националистами Л.А. Тихомиров объяснял не изменением подходов к национальному вопросу, а значительными сдвигами в самой национальной практике, различием в реалиях межнациональных отношений 1840-х и 1890-х гг. [5. С. 872].

В.В. Розанов отказывался видеть в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского «завершение славянофильской теории» и ее высшую фазу, но это не исключало возможности его восприятия как продолжателя общей интеллектуальной традиции, исходившей из признания необходимости сохранения разнообразия и несхожести исторического развития, культуры, духовности различных народов [6. С. 375].

В целом же можно констатировать, что в дореволюционной историографии исследователи развития национального вопроса в русской общественной мысли были сосредоточены на освещении истории славянофильского и, в связи с ним, консервативного направления. Причем это относится к авторам разных политических и научных взглядов. Либеральное направление как течение в русском национальном дискурсе было его активным участником, но не стало объектом историографического изучения. Можно говорить только о начале рассмотрения взглядов отдельных его представителей. Исследования чаще всего носили биографический характер, но и обращение к научным и социально-политическим взглядам оставляло национальный вопрос на глубокой периферии.

Исключение составляли только сюжеты, связанные с противостоянием западников и славянофилов, а также его влиянием на восприятие русскими мыслителями различных аспектов межна-

циональных отношений. А.Н. Пыпин в биографическом исследовании, посвященном жизни и творчеству В.Г. Белинского, указывал на детерминированность его позиции по национальным проблемам борьбой со славянофилами. При этом, по крайней мере, в раннем творчестве он был приверженцем гегельянства, как и славянофилы. Но в противоположность им, идеей об исторических народах В.Г. Белинский оправдывал сложившуюся к XIX в. государственную систему Европы, указывая на неспособность западных и южных славян к самостоятельной исторической жизни. В.Г. Белинский резко выступал против вмешательства России в проблему освобождения славян. По его мнению, зарождавшаяся доктрина панславизма противоречила интересам русской нации [7. С. 469].

Именно остротой публицистических споров А.Н. Пыпин пытался оправдать очевидную нелюбовь критика к «мелким народным литературам и малорусской в том числе» [7. С. 469]. Он воспринимал попытку создания малорусского литературного языка как прихоть провинциальной малорусской интеллигенции, искусственно сдерживавшей распространение общерусского, т.е. великорусского языка. А.Н. Пыпин не оправдывал В.Г. Белинского, но видел в его отношении к защитникам культурной самобытности Украины только борьбу с украинофильством как ответвлением славянофильства [7. С. 471–472]. Представляется, что проблема лежала гораздо глубже, в принципиальном подходе В.Г. Белинского к национальному вопросу. Будучи сторонником идеи формирования в послепетровский период единой русской нации, В.Г. Белинский резко отрицательно воспринимал защиту малорусской этничности, попытку создания малорусского литературного языка, видя в этом угрозу русскому национальному единству.

Одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе являлся В.С. Соловьев. Если в либеральной литературе XIX в. В.С. Соловьев предстал продолжателем славянофильской традиции [1. С. 27], то в консервативной и позднеславянофильской он, напротив, критиковался за пренебрежение национальными интересами и ценностями русского народа [8. С. 21, 32–33]. Уже после смерти философа его труды получили более взвешенную оценку как противника национального изоляционизма и идей национального превосходства [9. С. 3–7].

Что же касается социалистического направления, то следует отметить жесткую государственную цензуру взглядов революционных народников, исключавшую возможность их изложения в легальных изданиях, так же как и содержательную

критику противниками. По существу, революционно-социалистический дискурс сложился как нелегальный или эмигрантский, изолированный от общероссийского. Освещение истории революционного движения, взглядов его деятелей, программных документов организаций также началось в заграничных изданиях.

Первым историографом освещения национальных проблем в русском социалистическом движении стал М.П. Драгоманов, сам являвшийся активным участником внутрисоциалистических дискуссий. Русское социалистическое движение, по мнению М.П. Драгоманова, «болело» великодержавностью, как и русское общество в целом. Носителями идей федерализма были выдающиеся, но весьма немногочисленные представители революционного движения. М.П. Драгоманов с глубоким пиететом относился к А.И. Герцену и М.А. Бакунину, считая, что они ближе других подошли к правильному пониманию национальных проблем России и вариантов их разрешения [10. С. 46–47]. Но и им тоже досталась изрядная доля драгомановской критики. Причины ошибок М.А. Бакунина и А.И. Герцена он видел, прежде всего, в незнании истории Украины и этнической ситуации на юго-западе России во второй половине XIX в. Свои искренние революционные идеи они строили на официальной, великорусской традиции. Кроме того, свойственная русской интеллигенции идея о мессианстве русского народа преломлялась в сочувствие всем славянам, кроме украинцев. У социалистов мессианство носило революционный оттенок и реализовывалось в безусловной поддержке польского освободительного движения. Заложницей убежденности А.И. Герцена и М.А. Бакунина в необходимости сотрудничества с поляками стала программа федерализма. Весьма неохотно, но они все же пошли на компромисс с требованием поляков о границах 1772 г. [10. С. 69–71].

Следующее поколение русских социалистов, по мнению М.П. Драгоманова, не только не изжило недостатки предшественников, но и еще дальше отошло от идей федерализма. Причиной тому стала волна великодержавного энтузиазма, охватившего русское общество после подавления Польского восстания 1863 г. Эти настроения стали основой для формирования убеждений русской молодежи, в том числе пришедшей в революционное движение в 1880-е гг. М.П. Драгоманов сожалел, что в русском социализме в 1870–1880-е гг. окончательно возобладала великодержавность. Основные силы русского революционного социализма, группировавшиеся вокруг изданий «Набат»

и «Вперед», активно дискутировали друг с другом по вопросам тактики и методов борьбы. Но в игнорировании национального вопроса и нежелании учитывать в революционных программах интересы народов России они были едины [10. С. 151–152, 154–155].

Анализируя документы «Земли и воли», «Черного передела», М.П. Драгоманов не находил в них перспективных вариантов решения национального вопроса [10. С. 222–226, 391–412]. Кроме того, полагал М.П. Драгоманов, на русский социализм в 1870–1880-е гг. значительное влияние стал оказывать немецкий социализм с его идеями интернационализма. Но если у немецких социалистов интернационализм не отрицал учета национальных особенностей, в том числе и в организации революционной партии, то русские социалисты поняли принципы Интернационала как призыв к обрусению. Таким образом, М.П. Драгоманов утверждал, что русские социалисты всегда считали национальный вопрос вторичным по отношению к социальному. В конечном итоге это трансформировалось в идею централизма, то есть подчинения всех революционных организаций великорусским и возможности реализации социалистической идеи только в рамках великорусского государства [10. С. 142–145].

Значительный интерес представляет работа А.И. Спиридовича, носившая нарративный характер, но впервые предложившая обзор развития революционного движения в России. Особую ценность имела публикация большого количества документов народнических организаций, в которых можно было проследить развитие национальной проблематики на протяжении нескольких десятилетий, где становится заметной вторичность национальных процессов по отношению к социальным в восприятии народников [11].

В 1880-е гг. с появлением марксизма в социалистическом движении развиваются два самостоятельных течения (марксистское и неонародническое), находившиеся в состоянии жесткого и непримиримого противоборства. Это приводит к формированию альтернативных подходов к истории социалистического движения. Неонародники стремились к осмыслению опыта своих предшественников, оценивали его позитивно. Но обращаясь к истории народничества, они сосредоточились на анализе наиболее радикальных форм социальной борьбы, в том числе терроризме [12. С. 37–76].

Российские марксисты изначально заявили о своей монополии на истинное понимание социализма, и, хотя многие из них были выходцами из народничества, их отношение к предыдущим эта-

пам развития социалистической идеи в России было весьма критическим. В первых марксистских работах по истории русского социализма доминируют проблемы социальной борьбы. Будучи сами сторонниками идеи вторичности национального вопроса по отношению к социальному, марксисты игнорировали проблему развития национальной программы в русском социалистическом движении [13. С. 285–339].

Эмигрантская историография, в целом, продолжила дореволюционную традицию и опиралась на высокий уровень классической русской философии и истории. В то же время опыт революционных потрясений и Гражданской войны, исключение из политической практики, да и значительное время, отделявшее от исследуемого периода, позволили исследователям избавиться от излишней публицистичности и перейти к научному объективному рассмотрению проблемы. Характерной чертой работ авторов-эмигрантов является освещение, прежде всего, философско-культурологических аспектов творчества мыслителей XIX в. Тема межнациональных отношений была затронута в ряде общих трудов по истории философии, посвященных как отдельным персоналиям, так и целым направлениям русской мысли [14. С. 59–77].

Н.А. Бердяев акцентировал внимание на оппозиционности славянофильства, в том числе в национальном вопросе. Оно противостояло официальному национализму, исходившему из абсолютного приоритета государственности. В официальной интерпретации триады «православие, самодержавие, народность» интересы нации не имели самостоятельного значения и носили обслуживающий характер, а религия рассматривалась как инструмент контроля над народом. Славянофилы, отмечал Н.А. Бердяев, стремились к освобождению сил нации как от государственного диктата, так и от чуждого европейского влияния [15. С. 24–25].

В представлении Н.А. Бердяева идеи К.Н. Леонтьева оппонировали славянофильским. К.Н. Леонтьев считал, что стремление славянофилов разбудить национальные силы чревато для России самыми губительными последствиями, которые уже испытала на себе Европа. Национализм, превратившийся в орудие либерального эгалитаризма, мог быть остановлен только консолидацией общества под эгидой государства. Для К.Н. Леонтьева враждебны были любые национальные движения, и русское в том числе. В своем желании противодействовать национализму мыслитель призывал к прекращению политики обрусения, несшей либерализм на окраины России [16. С. 517–518, 529].

Г.В. Флоровский также противопоставил основоположников славянофильства его продолжателям, вновь обратившись к теме «разложения славянофильства». Но Г.В. Флоровский в отличие от многих исследователей трактовал славянофильство как изначально националистическую доктрину. Ранние славянофилы, по его мнению, защищая чистоту славянской духовности, старались избежать как изоляционизма, так и мессианства. Их обращение к проблемам религиозной философии, апелляция к общечеловеческим ценностям до определенной степени позволяла делать это. Тем не менее их идеи следовало рассматривать как «этический национализм» [14. С. 67].

Последователи первых славянофилов (Ю. Самарин, И. Аксаков), акцентировав внимание на повседневных проблемах общественной жизни России, утратили маскирующую завесу высоких идей. Противопоставление России Европе не только приобрело абсолютный характер, но и сменило акценты – «базою для самобытности» теперь служили «особенности социологического или антропологического типа, а не оригинальность культурных содержаний», что позволило Г.В. Флоровскому определить новую разновидность национализма как «антропологический» [14. С. 67]. Оба варианта славянофильского национализма виделись богослову ущербными в силу своей ретроградности, поскольку увлекали нацию в прошлое, а истинный национализм должен нацеливать на будущее.

Таким образом, дореволюционный период изучения отражения в русской общественной мысли национальных проблем России отличался крайней политизированностью. Это объяснялось тем, что исследование проблемы велось в ходе общественно-политических дискуссий ее непосредственными участниками, и позиции сторон трактовались чаще всего идеологическими соперниками. Большинство работ носило публицистический характер. Кроме того, не прошло ещё достаточно времени, чтобы появилась реальная возможность дать объективную оценку позиции раз-

личных точек зрения, дистанцировавшись от политической предвзятости. Эмигрантское течение историографии можно охарактеризовать как попытку переосмысления развития общественно-политической мысли XIX в., стремление извлечь политические уроки из общественных процессов прошедшего века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милоков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Соловьев // Из истории русской интеллигенции. М., 1903. С. 305–306.
2. Трубецкой С.Н. Разочаровавшийся славянофил // Собр. соч. М., 1907. Т. 1. С. 17–221.
3. Пытин А.Н. Из истории панславизма // Вестник Европы. 1893. № 9. С. 267–313.
4. Гершензон М.О. Исторические записки (о русском обществе). М., 1910. 189 с.
5. Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. Т. 29. С. 867–872.
6. Розанов В.В. Поздние фазы славянофильства // Розанов В.В. Народная душа и сила национальности М., 2012. С. 365–377.
7. Пытин А.Н. Белинский. Его жизнь и переписка. СПб., 1908. 562 с.
8. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи (К русской народной психологии). М., 1890. 47 с.
9. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева // Сборник первый о Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 3–7.
10. Драгоманов М.П. Историческая Польша и Велико-русская демократия // Собр. полит. соч. М.П. Драгоманова. Париж, 1905. Т. 1. С. 46–47.
11. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Пг., 1916. Вып. 2: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники 579 с.
12. Русанов Н.С. Идеиные основы «Народной воли». Былое. 1907. № 9. С. 37–76.
13. Мартынов А.С. Главнейшие моменты в истории русского марксизма // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 2, ч. 2. С. 285–339.
14. Флоровский Г.В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Славянски глас. София, 1921. Т. 1. № 1–4. С. 59–77.
15. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 220 с.
16. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926. 269 с.